

ношении к византийской и другим. Нужно к тому же признать, что если число сохранившихся памятников достаточно значительно, чтобы установить их родство, оно недостаточно, чтобы указать на степень этого родства и на то, например, что в каждом русском памятнике характерно для русской интерпретации вообще или для толкования автора данной вещи в частности. Подобные затруднения испытали все те, кто пытался добросовестно разграничить какие бы то ни было национальные ветви ранне-средневекового искусства. В лучшем случае удастся выделить небольшую группу бесспорных свидетельств, вокруг которых распределяются все остальные, национально недостаточно очерченные произведения.

Другими словами, если в нашем изложении мы указываем часто на связи той или другой русской вещи с искусством Византии (реже со скандинавскими памятниками), то это отнюдь не исключает каких-то специфически русских особенностей этой вещи, но ценно для нас тем, что открывает возможность лучше понять ее тему и смысл. Причем большей частью речь будет идти о произведениях более или менее рядовых, и только немногие из них, вроде рельефов св. Димитрия во Владимире, могут быть поставлены на тот же художественный уровень, что и «Слово о полку Игореве».

*

Ни одно из известных нам произведений русского домонгольского изобразительного искусства не изображает каких-либо лиц или событий современной им истории России, как мы видим это в «Слове». Для того чтобы установить такого рода параллелизм, нужно было бы располагать чем-нибудь вроде знаменитой «Вышивки Байе» в Нормандии (Tapisserie de Bayeux) XI в. с ее циклом сцен из истории завоевания Англии норманнами. Мы знаем, что эта замечательная вышивка не была одиночной на Западе и что такого рода живописные циклы изображений, которые изготовлялись в феодальных замках, действительно могут рассматриваться как иконографические реплики эпических поэм, бытовавших в той же феодальной среде.

Со своей стороны Византия также знала циклы изображений, заимствованных из современной жизни и прославлявших различных героев. В XII в. императоры Мануил и Андроник I Комнины поощряли изображения своих собственных подвигов на стенах дворцов, и нам известно, что царедворцы воспроизводили эти картины в своих хоромаш. От этих стенописей ничего не сохранилось, но можно ручаться за то, что им придавали героическо-эпический характер, исходя из того, что эпизоды из жизни этих императоров чередовались там со сценами из жизни знаменитых монархов древности и из истории легендарных героев, как Геркулес.

Знакомство с этими византийскими циклами могло вызвать у русских князей не только желание видеть у себя более или менее полные и точные воспроизведения этих циклов, но и — по аналогии с ними — иллюстрации к русской истории. Такого рода иллюстрации, если бы мы их обнаружили, были бы полной параллелью к «Слову», в той же мере, в какой «Вышивка Байе» является иконографической параллелью к рассказу о завоевании Англии Вильгельмом Завоевателем. Не исключена, конечно, возможность того, что такие циклы существовали, но исчезли. Так, например, вероятно, что цикл рельефов на фасадах церквей Владимира и Юрьева-Польского и особенно цикл светских фресок киевской Софии, если бы они дошли до нас в менее фрагментарном виде, включали наряду с сюжетами, перенятыми из византийского цикла, какие-то другие сцены,